

Господину Твардовскому
даже не снилось
и стихов не писал
о том священник Твардовский
что под таким названием
ни на том Дальнем
ни на Ближнем Востоке
возникнет тайно театр
Твардовского «Лицо Любви».

Сценарий о. Кишиитофа Кукулки OFM Conv. (Ташкент)

Пролог: Автор (одетый в сутану), то сидя за столом, то поднимаясь из-за него, рассказывает о своём творчестве.

Стихи привносят порядок и гармонию. Обеззараживают и нейтрализуют действие яда. Создают мир такой идеальный, для некоторых, может, наивный, но зарождённый по доброй воле. (218)

Как много зависит от того, как говорить и называть.

Думаю, что перед тем, кто пытается писать стихи, стоит большая задача: заменить измученные слова – новыми, освежить язык.

Пишу языком не сегодняшней поэзии и не сегодняшней литературной критики. Люблю стихи сердечно немодные и счастливо устаревшие. Тоскую по юмору, который учит смирению, позволяет смеяться над самим собой, спасает от пафоса – столь близкого давней религиозной поэзии -, позволяет с улыбкой взглянуть даже на трагедию. (218)

Плохой поэт пишет так, как велит ему дух времени, хороший – тогда, когда ему есть что сказать. (210)

Для меня стихи – это поиск контакта с другим человеком. Когда пишу, ищу родственные связи. (213)

Мне чужды риторика, дидактика и пафос. Пытаюсь писать стихи, которые не были бы манифестами. Уж лучше пусть не призывают и не обращают. Пусть несут своё содержание в кротком бездействии, в доверии, в пылкой открытости жизни и её будничности. Пусть ведут диалог со всеми. (213)

Я не хотел бы писать стихов отдельных, единичных, скорее – стихи, создающие определённое пространство, в котором каждый смог бы найти себя. Поселиться в стихах, как у себя дома. Верующий и неверующий, одинокий и не одинокий, грешник и святой. (214)

I сцена:

Он и Она (юноша и девушка) проходят по сцене, звучит музыка, читают вслух два стихотворения.

Он:

Не жди взаимности
звонка и роз
когда тебя не хотят
не хнычь не рыдай

ведь главное – что ты кого-то любишь

или знаешь
что слёзы смеются когда слишком велики

Она:

КОГДА ГОВОРИШЬ

Не плачь в письме
не пиши что судьба тебя пнула
не бывает на земле ситуаций безысходных
когда Бог закрывает двери - Он открывает окна
передохни взгляни
падают с облаков
малые большие несчастья нужные для счастья
а от обычного ты научись покою
и забудь что ты есть когда говоришь что любишь
(127)

II сцена:

За столом в форме креста сидят четверо и разговаривают. Находятся немного ниже авансены.

Первый:

Человек всю жизнь чего-то боится: тёмной комнаты, контрольной работы, паука, выпускных экзаменов, одиночества, воин, смерти. Боимся того, что снаружи.

Второй:

А в действительности нужно бояться себя самого. Зло проистекает из нас. Наибольшее зло – разрыв с Богом. Отдалить от Него может не только грех, но и усталость, потеря терпеливости, глупость, недружелюбие, злые намерения. Они проистекают из нас.

Третий:

Боимся, что потеряем работу из-за того, что наш нос не понравится новому начальнику; что потеряем жильё, потому что наследники довоенных владельцев вернутся и нас вышвырнут, неожиданного склероза и что забудем, где лежит аспирин. Ревнивая жена боится, что муж потеряет мобильный телефон, и она не сможет его контролировать, а он сбежит и заметёт следы.

Четвёртый:

Боимся для того, чтобы бояться.

Человек всё время теряется и сомневается. Что значит сомневаться? Думать только о себе. (51)

III сцена:**Автор, проходя через сцену, глядя на четырёх:**

Каждый из нас создан для того, чтобы быть счастливым. Должен любить и быть любимым. Это не нуждается в доказательствах, потому что каждый, кто счастлив хотя бы ненадолго, отдаёт себе отчёт в том, что он на верном пути, что идёт в верном направлении. В то время, как каждый опечаленный, отчаявшийся осознаёт, что идёт неправильной дорогой, в неправильном направлении. (81)

Первый:

Однако как быть, когда поставят нам ряд конкретных вопросов, например, как оставаться оптимистом, когда неисправна ванная, течёт вода, а единственный знакомый сантехник ушёл в запой?

Второй:

Как быть оптимистом, когда собака съела зарплату, принесённую с работы и по неосмотрительности оставленную на стуле?

Третий:

Как быть оптимистом, если у дядюшки разыгрались нервы, а устроить его в психушку неудобно?

Автор отвечает:

Здесь я скажу то, во что, может быть, сложно поверить из-за кажущейся наивности, но вместе с тем, эта наивность случается многократно в нашей жизни и в жизни других людей. Когда мы оказываемся в безнадёжной ситуации, нужно просто радоваться тому, что тогда мы не можем уже рассчитывать на себя, лишь на невидимые руки, которые нами управляют.

IV сцена:

Автор, проходя под музыку через сцену, встречает юношу и девушку (его и её), которые кивают ему, обмениваются с ним парой слов и идут дальше. Потом автор задумчиво произносит:

Вся наша жизнь сплетена из встреч: с самим собой, с людьми, которые нас любят и не любят, с теми, которых мы обидели и которые обидели нас, с теми, для кого встреча с нами – последняя встреча.

Во всём этом, под этим покровом будничности, таится сокровенная жизнь Божья. Умеем ли смотреть на будничность не только снаружи, но и изнутри? Осознаём ли, что это Бог говорит нам кого-то навестить, устраивает встречу и хочет, чтобы мы сказали что-то другому человеку от Его имени? А может, зачастую, чтобы только выслушали то, что он хочет сказать? Часто выслушать - важнее, чем дать самый глубокомысленный, по наш взгляд, совет. (83)

Входит Она (на неё направляется свет). Автор стоит в стороне.

Она:

Любовь превозносят и хулят. Говорят, что она мимолётна, недолговечна как одуванчик, сдуваемый ветром, и говорят, что длится дольше вечности. (129)

Появляется Он, становится рядом с ней (свет падает на него), заявляя:

Он:

То, что Господь Бог предлагает нам любить, - всегда карикатура. В действительности же – мы должны любить Его. (135)

Автор, становясь между юношей и девушкой (свет падает на него), обращается то к ним, то к публике.

Автор:

Любовь – это не только чувство, то и тяжкий труд, о чём ещё не догадываются влюблённые, которые шепчут: «моя роза, зелёный мой лучок», словно учились только ботанике. Потом с годами в ярости кричат: «осёл, баран, корова», как будто учились лишь зоологии.

Каких больших усилий требует настоящая любовь. Всё время чему-то учимся: иностранному языку, дзюдо, хорошим манерам, как есть ложкой или вилкой, как пользоваться компьютером. Учиться никогда не поздно.

Учимся любить, чтобы проверить самих себя.(132/3)

IV сцена:**Четверо сидят за столом и разговаривают:****Первый:**

Говорим: люби, будь услужливым, помогай, улыбайся. Делаем из любви гладкую, вежливую, прилизанную добродетель.

Если бы любовь была только открытостью по отношению к другому человеку, она была бы доброжелательностью. Если бы была только идиллией, радостью, счастьем, была бы любовью, окупившейся сразу.

Настоящая любовь – та, что действительно причиняет боль и абсолютно бескорытна. (128)

Второй:

Можно говорить о трёх видах любви: грешной, благой, истинной.

Грешна она тогда, когда кто-то использует её для себя.

Благая – когда любит, но для себя тоже хочет любви. Я люблю, но улыбнись мне; люблю, но и ты меня люби.

Истинной любви учит сам Иисус. Любовь истинная бескорытна. Бросаюсь в пасть других, перечеркиваю самого себя, иду на смерть, потому что люблю.

Третий:

Что говорит о силе любви? То, что любить не заставишь.

Всемогущий Бог, наделяя человека свободной волей, сам себе создал трагедию. Он не может навязать любовь, не может заставить

себя любить. В этом заключается суть данной нам свободной воли, являющейся вечным вопросом: хочешь ли любить, выберешь ли любовь? Любовь нужно выбирать сознательно, к любви принудить не может никто. Любовь – это постоянный выбор. Любовь так велика, что даже Бог о ней просит.

Для меня любовь– это свидетельство существования Бога. Мы её не придумывали, она была до нашего рождения. (135)

Четвёртый:

Некоторые влюбляются в литературу, музыку, науку, искусство. Ведут себя подобно настоящим влюблённым. Посвящают тому, что любят, все силы и здоровье. Но даже если и достигнут многого, могут быть несчастливы, потому что совсем одиноки. Можем любить науку, но наука нас не любит. Что с того, когда кто-то любит музыку, ведь музыка его не любит. Для любви нужны два сердца. Я знал художника, влюблённого в живопись и думающего, что этого ему будет довольно. Хотя его и тешило признание, счастливым он себя почувствовал только тогда, когда встретил женщину, которая совсем не разбиралась в картинах. (128)

Любовь отличается от дружбы. Дружба должна быть взаимной. Если она не взаимна, то это не дружба. (128)

Первый:

Что в любви самое главное: давать, брать или принимать?

Чаще всего нам кажется, что любить – значит, прежде всего, давать.

Влюблённый бежит вприпрыжку за тремя маргаритками для любимой – счастливый, что может дать. Мать даёт всё ребёнку: умудряется каждый день стаскивать коляску с третьего этажа, чтобы идти с ним на прогулку, и кормит его по семь раз.

Давать – значит беспокоиться о ком-то, переживать, не болит ли случайно живот у любимого, намазывать кому-то булку толстым слоем масла, заслонить шарфом падающий от лампы свет, чтобы свет не резал глаза, и он не шурился во время болезни, решить ему тысячи проблем так быстро, что вприпрыжку, шить ему варежки ночами, чтобы у него не замёрз мизинец на левой руке, а то ещё превратиться в сосульку.

Третий:

А вместе с тем любить – это не только давать, но и принимать.

Принимать кислую мину, когда кто-то встанет не с той ноги, дождь, даже тогда, когда нет зонтика, когда разобьётся любимая тарелка, зубную боль.

Принимать – значит доверять, верить, что Бог даёт то, что печалит, и то, что радует: солнечный день, и тяжёлые облака, не говорить на одном дыхании в конце *Отче наш*: «ноизбавьнасотлукавогаоаминь» - потому что именно «аминь» никогда не плохо. Аминь всегда нужно говорить после точки и отдельно. Знать, что Бог даже тёмной ночью видит чёрного муравья на чёрном камне. Знать, что иногда даже боль – живительна и приходится по вкусу.

Любить – это не только давать, но и принимать.

Второй:

С любовью сочетается одиночество, что составляет одну из её тайн. Человека не может быть достаточно только для другого человека. Когда любит, переживает одиночество. Именно одиночество людей в любви является местом для Бога.

*

Любви всегда сопутствует страх. Даже те, которые любят друг друга очень сильно, постоянно боятся, что тот, кого они любят, заболеет, что ним случится несчастный случай, что он умрёт. Любовь временами бывает бессильна. Она должна опереться на кого-то более сильного, чем человек.

*

Настоящей любви не мешают ссоры. Марсель Пруст написал: «если бы у супругов не было поводов пререкаться, им бы пришлось самим иногда их придумывать, потому что любовь проверяется в спорах».

*

Каждое более глубокое чувство приводит к страданию. Любовь без страданий – это не любовь.

Четвёртый:

Любить человека мудро – значит любить его по-человечески, чувством, всей своей стихийностью, но в то же время помнить, что этот любимый – чадо Божье, принадлежит Богу, который будет вести его дорогами его святости, греха, веры и неверия. Его нельзя присвоить себе, у него должно быть своё одиночество. Навредишь тому, кого слишком полюбишь. (133)

Выходит автор и читает своё последнее стихотворение.**БЛИЖЕ ВСЕГО**

Бог тебя любит через сердечное письмо что дошло
 через поздравления с праздником
 через вещи настолько важные что о них не помнят
 через кого-то кто был с тобой во время гриппа
 через того кто исповедавшись уже не щиплет
 через дождь что шумит у тебя в ушах
 через кого-то кто запретил тебе кривиться
 через собаку что тебе лизала ноги
 через сердце кричащее с креста

Влюблённый в человека Бог дал нам в нашей любви к Нему все чувства, известные нам в любви к человеку: тоску, уныние, отчаяние одиночества, радость присутствия, но любовь человеческая не была бы любовью, если бы была вынуждена к чему-либо. Человек сам решается на любовь. Не был бы человеком, если бы этого не умел. Ведь на протяжении всей жизни он хочет любить. Иногда умирает от любви, но любовь – не болезнь. Это – тоска за тем, что мы уже любим, но ещё не видим – бессознательная тоска за Богом и Его жизнью.